

нам сообщают

НЬЮ-ЙОРК

ЖЕСТОКИЙ МАРАФОН

ПРОХОЖИЕ на Бродвее оказались недавно свидетелями не совсем обычной процессии. По-водевильному шумная и пестрая толпа внезапно вынырнула из-за угла 44-й стрит и медленно поплыла вдоль улицы под аккомпанемент жиденького джаза. В театральных костюмах, париках и гриме люди преувеличенно весело танцевали, ходили на руках и время от времени выкрикивали: «Если вы любите театр, не дайте ему умереть!», «Приходите к нам на спектакль, приходите в наш театр!». У всех участников шествия на лентах через плечо ярко вырисовывалась надпись «Марафон 33». Это — название пьесы, которую ставит на Бродвее «Артистический театр-студия».

В Соединенных Штатах в период экономического кризиса 30-х годов широкое распространение получили так называемые «марафонские танцы». Безработные, старики и молодежь, толпами бродили по стране в поисках заработка. Для наживы и развлечения «золотой публики» изворотливые предприниматели придумали соревнования на выносливость в танцах. Победитель получал небольшое денежное вознаграждение — основной сбор шел в карман организаторам. Марафон, как лихорадка, охватил страну, особенно в 1933 году. Автор пьесы «Марафон 33» Джун Хавок, будучи еще 15-летней девочкой, сама принимала участие в марафонских танцах. Позднее она написала об этом книгу, а теперь по материалам книги — пьесу «Марафон 33».

Американским критикам пьеса показалась неподходящей. Она заставляет людей думать. Она слишком откровенно рассказывает об алчности и подлости людей, обладающих богатством, о безысходном положении тех, у кого за душой нет ни гроша.

«Марафон 33» — пьеса сложная. Три с половиной часа продолжается на сцене изнурительный танец, во время которого перед глазами зрителей проходит судьбы «танцоров». Театр великолепно поставил пьесу, бросив вызов платной критике и коммерческим театрам. Выживет ли

пьеса — дело другое, ибо студия держится на взносах благотворителей.

Актеры студии собираются подготовить «Три сестры» Чехова и другие спектакли. Пока же «Марафон 33» — единственная пьеса в их репертуаре.

В одной из бесед после спектакля режиссер пьесы Ли Страсберг сказал, что театр попытался просто показать «джунгли американской жизни».

Что же происходит на сцене? Условия марафона жестокие. 45 минут каждого часа участники проводят на танцевальной площадке. Иногда сжалившиеся музыканты играют медленно и приглушенно, чтобы танцующие в парах могли вздремнуть стоя. Здесь же во время танца происходит и сечение глазных персонажей пьесы — Джун и Пэтси.

До конца выдерживает лишь одна пара и Джун, оставшаяся без партнера. Пэтси упал за несколько часов до окончания марафона, длившегося свыше трех месяцев. Джун принадлежит теперь лишь половина второго приза. Но при расчете с нее высчитают за жилье, постель, питание, стирку, за «советы» тренера по марафону плюс то же самое, что ушло на содержание Пэтси. Бледная, зажав в кулаке несколько долларов — плату за три месяца пыток, она умоляет Пэтси поскорее выбраться из этого кошмара.

Весельчак и балагур Пэтси долго и грустно смотрит на нее, затем тихо и ласково говорит:

— Теперь, Джун, в Канзас-сити. Там организуется новый марафон... Это все, на чем сейчас еще можно заработать...

Навстречу уходящим со сцены Джун и Пэтси поднимается автор пьесы Джун Хавок. Останавливает их, подходит к рампе. «У вас есть знекомые, — говорит она; взволнованно обращаясь к публике, — позвоните им и посоветуйте посмотреть наш спектакль. В прошлом году у нас был очень плохой сезон, этот еще тяжелее. Мы не можем платить даже актерам. Помогите бороться за театр».

Л. ПОНОМАРЕВ